

УДК 387.1(470)

ОБЩЕКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ю. А. Бубнов, К. М. Гайдар

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 ноября 2024 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования российской идентичности у студенческой молодежи. Обосновывается взаимосвязь заявленной темы исследования с укреплением государственности и национальной консолидацией общества. Особое внимание уделяется роли молодежи в формировании единого идентификационного пространства России, влиянию студенческих молодежных движений на политическое и социальное устройство государственных систем. В качестве культурного нарратива идентификации авторы выделяют язык, являющийся основой консолидации российского общества.

Ключевые слова: российская идентичность, студенческая молодежь, ценностные ориентиры, самоидентификация, нация, Стратегия государственной национальной политики, язык.

Abstract: the article deals with the problem of the formation of Russian identity among students. The interrelation of the stated research topic with the strengthening of statehood and national consolidation of society is substantiated. Special attention is paid to the role of youth in the formation of a unified identification space in Russia, the influence of student youth movements on the political and social structure of state systems. The author's cultural narrative of identification is language, which is the basis for the consolidation of Russian society.

Key words: Russian identity, student youth, value orientations, self-identification, nation, Strategy of state national policy, language.

Рост национального самосознания у народов Российской Федерации вызвал к жизни новые реалии, которые, в свою очередь, оказали влияние на содержание межэтнического взаимодействия. В качестве критериев национальной самоидентичности всё чаще рассматриваются религиозные традиции, особенности менталитета, социальная организация и культурные основания национального сообщества.

С одной стороны, это вполне нормальный процесс развития национального самовосприятия, сопровождающегося актуализацией основных его черт в условиях общественной трансформации, но, с другой стороны, этот процесс может таить в себе определенные риски, поскольку нередко стремление народов к преувеличению значения своих национальных традиций и обычаев приводит к дестабилизации социальной и политической ситуации в рамках всего общества.

Самым чувствительным к социальным и политическим переменам общественным слоем

является молодежь. Присущие современному молодому поколению активизм, толерантность к инакомыслию и нетерпимость насилия и авторитаризма, наличие своего «идеального» образа демократии позволяют рассматривать его как особую социальную группу со своими ценностными приоритетами. Как показывают педагогические, психологические, социологические исследования, российское «поколение Z», несмотря на оптимистичность по отношению к лично своему будущему, не испытывает такого же оптимизма к будущему всего общества. Учеными зачастую фиксируется у немалой части российской молодежи повышенный уровень тревоги, которая сфокусирована вокруг социальной неопределенности и незащищенности собственной жизни [1–4 и др.]. Констатируется также отсутствие каких-то общих политических взглядов и программ политического участия в жизни общества. Если на эти социальные и политические риски накладываются еще и этноизоляционизм, завышенное мнение о достоинствах своего народа, стремление к национальной независимости и свободе, подкрепляемое

идеями национального превосходства и избранности конкретной нации, то последствием такого синтеза могут быть различные виды девиации в поведении молодежи. Поэтому особенно важной в настоящее время является разработка механизма профилактики и противодействия радикально-националистическим идеям и ксенофобским настроениям в молодежной студенческой среде [5–8 и др.].

Почему акцент делается, в первую очередь, именно на студенчество?

Как показывает исторический опыт, студенческая молодежь всегда являлась своеобразным катализатором протестных настроений в обществе. В силу своих черт молодое поколение нередко становилось авангардом протестного движения, во многом определявшим постконфликтное мироустройство общества во многих странах. Например, леворадикальные майские студенческие выступления во Франции в 1968 г. привели к многомиллионной всеобщей забастовке, итогом которой стала отставка французского правительства и президента Шарля де Голля, а выступления студентов на площади Тяньаньмэнь в Пекине, проходившие с 15 апреля по 4 июня 1989 г., положили конец политическим реформам в Китае.

Не является исключением в этом плане и Россия, где студенческие волнения имеют свою историю. Радикализация российской студенческой молодежи во второй половине XIX в. вылилась в студенческие выступления 1898–1899 гг., оказав влияние на ликвидацию автономии университетов, когда власти предержащие поставили задачу всеми силами пресечь «лжеумудрие и вольнодумство» [9]. Подобными событиями последних лет текущего века стали несанкционированные митинги студентов в поддержку осужденного за мошенничество блогера Алексея Навального. Справедливости ради подчеркнем: они не оказали слишком сильного влияния на общественную атмосферу, но в то же время продемонстрировали социально-политическую незрелость определенной части российского студенчества, еще больше обострив проблему и семейного, и общественно-воспитания подрастающего поколения, целенаправленного формирования у тех, от кого завтра будет зависеть судьба страны и ее народа, твердых морально-ценностных устоев и отчетливой российской идентичности.

Следует признать, что наше общество оказалось не готово к появлению «новой протестной молодежи». Экспертное сообщество до конца не определилось с истинными причинами молодежного протестного всплеска в современной России. «Они (молодое поколение. – Ю. Б., К. Г.) пошли из-

за того, что у них “гормон играет”, или потому, что их достали придирки и уроки любви к “Единой России”, православию и народности, или есть какая-то третья причина – это большой вопрос», – замечает директор ВЦИОМ В. В. Федоров [10].

Однако эти предположения лишь свидетельствуют о наличии проблемы, связанной с отсутствием у молодежи твердой приверженности к определенным ценностным установкам и целям. «В сравнении с другими возрастными группами населения нашей страны молодежь наиболее сильно подвержена деструктивным влияниям. Отказавшись от прежних нравственных ориентиров, наше общество только “нащупывает” сегодня новые нормы и идеалы. В такой неопределенной духовно-нравственной атмосфере молодежи особенно трудно ориентироваться, выбирать приемлемые морально-нравственные установки и конструктивные жизненные стратегии» [11, с. 6].

В психологии такое состояние называют диффузией идентичности, которая характеризуется склонностью к созависимости, внушаемости, неумением регулировать свои эмоции и другими личностными свойствами, оказывающими влияние на поведение субъекта [12; 13].

Согласно теории психосоциального развития Эрика Эриксона, период юности у человека является определяющим в его становлении как личности. Именно в это время формируется Я-идентичность, выполняющая функцию регулятора поведения [14]. В 15–20-летнем возрасте у молодого человека складывается целостное представление о своем внутреннем мире, профессиональных и жизненных установках, окончательно выстраивается устойчивый Я-образ. Из множества таких Я-образов рождается Я-концепция как система представлений о себе и самоотношения. А без нее невозможно формирование Я-идентичности, которая, в свою очередь, обеспечивает чувство самотождественности человека, восприятие себя как целостной личности, как активного субъекта, отвечающего за свои поступки и способного быть «автором и режиссером» собственной жизни.

Подчеркнем, что личностная идентичность – феномен полимодальный, в нем раскрывается не только индивидуальность человека, но и его связи с социумом. Одним из значимых изменений в мировоззрении индивида в период юности выступает осознание им своей принадлежности к определенному сообществу. Это проявляется не только в признании того, что он является частью конкретной социальной общности, но и в эмоциональном принятии или отрицании своего членства в ней, в

ценностном отношении к нормам и правилам поведения в данном сообществе.

Студенческая молодежь, в отличие от другой части молодого поколения, наиболее остро переживает свое членство в конкретной этносоциальной общности, так как вузовская мультикультурная и многонациональная среда создает объективные условия для погружения в атмосферу гражданской, этнической, конфессиональной и политической самоидентификации. С другой стороны, усвоение в период обучения в вузе разноплановой информации об истории народов, их культуре, образе жизни, правилах поведения позволяет студентам формировать свой ментальный опыт, опираясь на традиции предшествующих поколений. Поэтому, когда речь идет об идентичности молодежи, то с полным основанием можно говорить, что именно студенчество как наиболее образованная и подготовленная ее часть проецирует на себя все изменения, связанные с этим процессом.

Несмотря на глобализацию общественных отношений, по-прежнему важным и определяющим фактором идентичности студенческой молодежи продолжает оставаться национальная культура. После распада Советского Союза, приведшего к утрате ощущения принадлежности к большой исторической общности со своими традициями и культурным многообразием, потребовалось некоторое время, чтобы в лиминальный (переходный) период сформировалась новая интегративная модель, с которой идентифицировало себя население России 1990-х гг., в том числе студенты. Таким целостным социальным образованием со своим культурным пространством явилось российское общество.

До настоящего времени идут дискуссии по поводу того, является ли понятие «российский» выражением этнической принадлежности или оно обозначает принадлежность к конкретному государству. На заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации в 2016 г. было предложено разработать Федеральный закон «О российской нации и управлении межэтническими отношениями». В процессе обсуждения данного законопроекта возникли споры, указывающие на неготовность российского общества принять идею единой нации. Дискуссионной в связи с этим оставалась и проблема соединения межэтнических (межнациональных) отношений с гражданской идентичностью. Как замечает Л. М. Дробижева, «в российском обществе в публичном и междисциплинарном научном пространстве споры фокусировались вокруг трех вопросов: можно ли российскую идентичность называть гражданской? Какие в ней солидаризиру-

ющие смыслы? Как она соотносится с этнической идентичностью?» [15, с. 483].

Согласно Стратегии государственной национальной политики, разработанной на период до 2025 года, общероссийская гражданская идентичность определяется как «осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» [16]. В том же нормативном акте прослеживается связь гражданской идентичности с единым культурным кодом, который объединяет российских граждан. В качестве основы этого кода выступает русская культура и язык, а также культурное наследие народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Вместе с тем отсутствие определенности в понимании смысловой нагруженности понятия «российский» применительно к национальной принадлежности человека нередко приводит к его ситуативному использованию. Для некоторых молодых людей, например, проживающих на территории Северо-Кавказского федерального округа, Россия остается национально-территориальным образованием, которое дистанцировано от конкретного региона. И только финансовые дотации из федерального бюджета, существенно улучшающие условия жизни населения этой части страны, позволяют жителям северокавказского региона России сохранять толерантность по отношению к своей российской принадлежности. В свою очередь, после распада Советского Союза и военных конфликтов на территории отдельных северокавказских республик многие россияне понятие «Северный Кавказ» до сих пор трактуют как совокупность оторванных этнонациональных образований со своими конфессиональными и политическими приоритетами. Всё это не может не сказываться на сознании молодежи, зачастую создавая у нее определенный когнитивный диссонанс, усугубляющийся недостаточным знанием истории, в частности, истории вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи, истории общежития населявших его народов с русским народом как титульной нацией, истории общей борьбы за независимость и суверенитет России как многонационального государства [17–19]. Представляется, что введенный не так давно во все вузовские образовательные программы курс «Основы российской государственности» [20] и планируемый в ближайшей перспективе к внедрению в учебные планы курс «История религий России» смогут восполнить те «познавательные пробелы» в истори-

ческих знаниях, с которыми вчерашние школьники приступают к освоению учебных программ в вузах.

Существенное влияние на формирование подобных взглядов оказал отток русского населения с Северного Кавказа, спровоцированный распадом Советского Союза и продолжающийся до сих пор. Только за последнее десятилетие этот регион покинуло 187 тысяч русскоязычных жителей. Несмотря на некоторое замедление этого процесса, у русских по сравнению с «коренными этносами» сохраняется определенное неравенство при трудоустройстве, получении образования и т.д. Так, согласно данным социологических исследований, об ограничении своих прав говорят: в Ингушетии – 57 % русских, в Чечне – 40 %, в Северной Осетии – 56 %, в Адыгее – 68 % [21; 22].

Здесь важно учитывать, что выросшая в моноэтническом окружении молодежь с трудом адаптируется в новой социальной среде. Общение молодых людей вне границ конкретного этнического массива иногда приводит к конфликтам в студенческой среде. Триггером подобных конфликтов нередко выступают различия в приоритетах. Если для представителей русской молодежи основным идентификационным нарративом выступают чаще всего надэтнические ценности, то для кавказской молодежи доминирующей остается модель поведения, укорененная в ценности традиционной этнической культуры.

На наш взгляд, важным фактором формирования российской идентичности в студенческой среде является культура, которая не только задает модели поведения человека, но и осуществляет трансляцию достижений из прошлого в настоящее и будущее. Культура объединяет поколения людей, обеспечивая тем самым целостность социума. Являясь системой надбиологических средств регуляции человеческой деятельности, она опирается прежде всего на язык общения. Для россиян этим объединяющим средством коммуникации, проводником в мир самобытной культуры выступает русский язык. Как свидетельствуют данные Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., в России население говорит более чем на 370 языках, 133 из них – это «языки России». «Официальная политика в отношении меньшинств подчеркивает <...> значение русской этнической принадлежности и русского языка как основы всеобщей национальной идентичности», – говорится в заключении Совета Европы о правах национальных меньшинств в России [23].

Общение на русском языке создает объективную основу солидарности в понимании прошлого и настоящего российского общества, его исторической роли для судьбы не только народов, на-

селяющих нашу страну, но и для других регионов мира. Ведь консолидация народа осуществляется, прежде всего, на основе государственного языка. Безусловно, подчеркивая роль русского языка как фактора идентичности, мы далеки от той мысли, что региональные языки должны подчиниться языковой доминанте федерального центра. Общность русского языка для всех этнических групп, проживающих на территории российского государства, направлена на создание единого национального государства, в котором сохраняются и преумножаются культурные особенности каждого этноса. Думается, что в содержании преподаваемых сегодня на всех уровнях высшего образования (бакалавриат, магистратура, специалитет) языковедческих дисциплин, направленных на формирование общекультурной компетенции, непосредственно связанной с владением государственным языком Российской Федерации для осуществления академического и профессионального взаимодействия («Русский язык и культура речи» и др.), помимо собственно лингвистического и коммуникативного аспектов, должны быть представлены также аспекты исторические и социокультурные. Это, несомненно, будет способствовать формированию российской идентичности студентов. Более того, подчеркнем это особо, идея общности русского языка для всех народов страны и его важнейшей роли в формировании российской идентичности должна быть центральной в образовательной и воспитательной идеологии при работе со студентами, определять вектор развития и содержание высшего образования в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипина Н. Л. К вопросу изучения социального самочувствия студенческой молодежи / Н. Л. Антипина // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 5-1. – С. 81–84. – URL: <https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=35860> (дата обращения: 2.11.2024).
2. Зинченко Е. В. Социальная тревога российского студенчества: территориальный аспект / Е. В. Зинченко, В. И. Филоненко, Л. С. Деточенко, В. Д. Воронная // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 133–149. – URL: <https://rrsociology.ru/journal/article/3534/> (дата обращения: 15.11.2024). DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-3-0-9.
3. Краснова-Гольева В. В. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация / В. В. Краснова-Гольева, А. Б. Холмогорова // Психологическая наука и образование. – 2011. – Т. 3, № 1. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39944 (дата обращения: 26.06.2024).

4. Одиннадцать черт современной молодежи. Итоги большого исследования. – URL: <https://dzen.ru/a/XrOYliVHnQK44bfM?ysclid=m36vzxkg53122029218> (дата обращения: 07.11.2024).

5. Васенина И. Ценностные ориентации студенческой молодежи и экстремизм / И. Васенина // Высшее образование в России. – 2017. – № 11. – С. 115–119.

6. Вешкин С. В. Модель профилактики этнического экстремизма среди студенческой молодежи в процессе обучения в вузе / С. В. Вешкин // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=30290> (дата обращения: 02.11.2024).

7. Рыжкова Е. А. К вопросу о межконфессиональном конфликте в студенческой среде / Е. А. Рыжкова // Психолого-педагогические аспекты работы преподавателя вуза : межфакультетский сборник научных статей : вып. 1 / отв. ред. Е. В. Воевода. – Москва : МГИМО-Университет, 2015. – С. 131–138.

8. Стариков Н. В. Молодежный экстремизм и ксенофобия: проблемы распространения и пути противодействия / Н. В. Стариков, И. В. Мамина // Научные ведомости БелГУ. – 2017. – № 5. – С. 202–216.

9. Князев Е. Л. Генезис высшего педагогического образования в России (XVIII – начало XX в.) / Е. Л. Князев. – Москва : Сентябрь, 2001. – 239 с.

10. «Провокаторов, которые толкают “школоту” на митинги, надо наказывать» : интервью В. В. Федорова. – URL: <https://ura.news/news/1052371962> (дата обращения: 08.11.2024).

11. Ендовицкий Д. А. Актуальные проблемы воспитания молодежи / Д. А. Ендовицкий, Ю. А. Бубнов, К. М. Гайдар // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. – 2017. – № 2. – С. 5–11.

12. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства: стратегии психотерапии / О. Кернберг. – Москва : Независимая фирма «Класс», 2000. – 464 с.

13. Кранц И. И. Проблема становления личностной идентичности в контексте социального самоопределения / И. И. Кранц // Журнал практического психолога. Специальный выпуск: Теория и практика семейной психологии. – 2005. – № 5. – С. 125–132.

14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. –

Москва : Флинта : Моск. психол.-соц. ин-т : Прогресс, 2006. – 341 с.

15. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян / Л. М. Дробижева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 4. – С. 480–498.

16. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (в ред. указов Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703, 15.01.2024 № 36). – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=10216194936512> (дата обращения: 13.11.2024).

17. История народов Северного Кавказа, конец XVIII в. – 1917 г. – Москва : Наука, 1988. – 672 с.

18. Сугаипова А. М. Особенности вхождения Северного Кавказа в состав Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века / А. М. Сугаипова, Г. В. Галиева // Вестник Российского университета кооперации. – 2022. – № 3(49). – С. 124–128.

19. Бабаев А.-М. Б. Народы Кавказа в борьбе против фашистской Германии и ее союзников в годы Великой Отечественной войны / А.-М. Б. Бабаев, М. И. Абакаров // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – Вып. 4. – С. 10–14.

20. Основы российской государственности : [учебник для всех направлений подготовки бакалавриата и специалитета] / А. В. Арапов, Ю. А. Бубнов, А. Г. Вяткина [и др.] ; под ред. Д. А. Ендовицкого. – Москва : КноРус, 2024. – 277 с.

21. Как вернуть русских на Кавказ : три варианта. – URL: <https://www.kp.ru/daily/28353/4500958/?ysclid=m3gwohd9au777145635> (дата обращения: 13.11.2024).

22. Коровин В. М. Кавказ без русских: удар с юга / В. М. Коровин. – Москва : Родина, 2021. – 336 с.

23. Консультативный комитет рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Четвертое заключение по Российской Федерации принято 20 февраля 2018 г. – URL: <https://rm.coe.int/4th-advisory-committee-opinion-on-the-russian-federation-russian-langu/1680908b0d> (дата обращения: 15.11.2024).

Воронежский государственный университет

Бубнов Ю. А. – доктор философских наук, профессор, проректор по контрольно-аналитической и административной работе, декан факультета философии и психологии

E-mail: bubnov@vsu.ru

Гайдар К. М. – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии

E-mail: gaydar@phipsy.vsu.ru

Voronezh State University

Bubnov Yu. A. – Dr. Habil. in Philosophical Sciences, Professor, Vice Rector for Strategic Administrative Management, Dean of the Faculty of Philosophy and Psychology

E-mail: bubnov@vsu.ru

Gaidar K. M. – Dr. Habil. in Psychology, Associate Professor, Head of General and Social Psychology Department

E-mail: gaydar@phipsy.vsu.ru